

Зубакова Наталия Валерьевна

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ СВЯЗИ РОМАНА П. ДАШКОВОЙ "ЧУВСТВО РЕАЛЬНОСТИ"

Данная статья посвящена анализу интертекстуальных связей романа П. Дашковой "Чувство реальности", которые проявляются во включении в него фрагментов других текстов или отсылке к ним. В романе имеются отсылки к прецедентным текстам и именам из русской (Н. А. Некрасов "Кому на Руси жить хорошо", С. А. Есенин и др.) и зарубежной литературы (М. Шелли "Франкенштейн, или Современный Прометей", Ш. Бронте "Джейн Эйр", Э. Хэмингуэй "По ком звонит колокол" и др.), а также из античных мифов, фольклорных произведений и кинематографа (кинофильмы "Неуловимые мстители", "Белое солнце пустыни").

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/2-1/21.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (44): в 2-х ч. Ч. I. С. 87-90. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список литературы

1. **Жолобова А. О.** Национальный корпус испанского языка: *CREA* и *CORDE* // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 9 (39). Ч. 1. С. 56-58.
2. **Колпакова Г. В.** Методы анализа корпусной лингвистики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 4 (15). С. 75-77.
3. **CDH** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rae.es/recursos/banco-de-datos/cdh> (дата обращения: 10.11.2014).
4. **CORPES XXI** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rae.es/recursos/banco-de-datos/corpes-xxi> (дата обращения: 10.11.2014).
5. **Corpus del Nuevo Diccionario Histórico del Español** [Электронный ресурс]. URL: <http://web.frl.es/CNDHE/org/publico/pages/ayuda/ayuda.view> (дата обращения: 14.11.2014).
6. **Manual de uso: Corpus del español del siglo XXI** [Электронный ресурс]. URL: <http://web.frl.es/CORPES/org/publico/pages/ayuda/manual.view> (дата обращения: 10.11.2014).

NEW CORPUSES OF THE SPANISH LANGUAGE *CORPES XXI* AND *CDH* – NEW POSSIBILITIES

Zholobova Anna Olegovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Kazan (Volga Region) Federal University
anijola@yahoo.es

The article describes new corpora of the Spanish language, with which the Royal Spanish Academy works: the modern corpus *CORPES XXI* and historical one *CDH*. The data of geographical, genre-thematic, chronological and statistical nature are given. The author analyzes the new technical possibilities of corpora data search engine in comparison with the previous corpus *CREA*, which lacks the morphological marking.

Key words and phrases: National Corpus of the Spanish language; historical corpus; modern corpus; geographical data; genre-thematic data; chronological data; statistical data; morphological markings.

УДК 8;81:42

Филологические науки

Данная статья посвящена анализу интертекстуальных связей романа П. Дашковой «Чувство реальности», которые проявляются во включении в него фрагментов других текстов или отсылке к ним. В романе имеются отсылки к прецедентным текстам и именам из русской (Н. А. Некрасов «Кому на Руси жить хорошо», С. А. Есенин и др.) и зарубежной литературы (М. Шелли «Франкентейн, или Современный Прометей», Ш. Бронте «Джейн Эйр», Э. Хэмингуэй «По ком звонит колокол» и др.), а также из античных мифов, фольклорных произведений и кинематографа (кинофильмы «Неуловимые мстители», «Белое солнце пустыни»).

Ключевые слова и фразы: интертекстуальность; аллюзия; дискурс; прецедентное сравнение.

Зубакова Наталия Валерьевна

Липецкий государственный педагогический университет
Natyse4ka87@mail.ru

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ СВЯЗИ РОМАНА П. ДАШКОВОЙ «ЧУВСТВО РЕАЛЬНОСТИ»[©]

Проблема интертекстуальности находится в центре внимания филологов уже достаточно продолжительное время. Началось исследование этого явления еще в работах М. М. Бахтина, который впервые сделал предметом рассмотрения проблему «чужого слова» и его художественных функций. В своих работах Бахтин писал, что, помимо данной действительности, художник имеет дело также с предшествующей и современной ему литературой, с которой он находится в постоянном «диалоге» [2, с. 393].

В последние годы интертекстуальность изучается на материале самых разных текстов (публицистических, научных, эпистолярных, рекламных и некоторых других), но самые яркие образцы интертекстуальности дает художественная литература, для которой опора на прецедентные тексты (интертекстуальность) является обязательным признаком (обязательной текстовой категорией).

Интертекстуальность – одна из неотъемлемых черт литературы XX-XXI вв., в том числе и массовой. Причем в массовой литературе функционирование прецедентных текстов имеет ряд особенностей, связанных с изначальной установкой на потребление текстов массовым читателем. По словам В. Н. Серкиной, прецедентные тексты, которые являются маркерами стилистической манеры автора, могут отвечать и за степень развития различных составляющих коммуникативной компетенции [6, с. 175]. Однако говорить об интертексте применительно к массовой литературе мы можем лишь условно, так как сохраняются только его внешние атрибуты – межтекстовые ссылки, упоминание в одном тексте названия, автора, героев, сюжетных событий другого. Внутреннее же содержание интертекста в массовой литературе практически отсутствует. Рассмотрим употребление прецедентных текстов на примере романа П. Дашковой «Чувство реальности».

Каждое произведение Полины Дашковой, известного автора романов, изданных тиражом свыше 30 миллионов экземпляров, мгновенно становится бестселлером. Мастер остросюжетной прозы, П. Дашкова не только обладает даром удерживать внимание читателя в сильнейшем напряжении и блестяще развивает интригу, используя прецедентные тексты, но и создает живые запоминающиеся образы, заставляющие читателя думать и чувствовать вместе с героями. Интертексты, по словам Т. Б. Фрик, усиливают авторскую позицию, поддерживают дидактический вывод, делаемый автором, так как являются всем известными, заслуживающими доверия текстами, включают авторские представления в парадигму общенародных, культурных представлений, позволяют актуализировать авторское восприятие христианских ценностных категорий [8, с. 214].

В романе П. Дашковой «Чувство реальности» действие происходит в 2000 году, но первая глава описывает события пятнадцатилетней давности. Все начинается со смерти матери и отца маленькой девочки Маши Григорьевой, которая «свободно говорит по-английски, читает в подлиннике Уайльда, Моэма и Голсуорси» [3, с. 6]. Девочку отправляют в летний лагерь, где воспитательница по прозвищу Франкенштейн запирает ее в пустой комнате: «Пять минут назад **Франкенштейн** выдернула ее из-под одеяла, отняла фонарик, книжку и потащила вон из спальни по полутемному коридору, потом по лестнице, на третий этаж» [Там же, с. 5]. Сразу же появляется аллюзия на роман М. Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей». Образ воспитательницы вырисовывается чудовищным, подобно монстру из английского романа.

Через все произведение лейтмотивом проходит роман Ш. Бронте «Джейн Эйр». Это любимая книга одной из главных отрицательных героинь детектива – Светланы Лисовой: «Солнце ударило в стекло, Светлана Анатольевна поморщилась, надела темные очки, отвернулась от окна, уткнулась в книжку, которая лежала поверх ее объемной хозяйственной сумки. **Это был роман Шарлотты Бронте “Джен Эйр”, любимое ее литературное произведение, впервые прочитанное в четырнадцать лет и к нынешним сорока восьми выученное наизусть**» [Там же, с. 16]. Светлана Лисова настолько пропустила любимый роман через себя, что решила действовать по заученной схеме, чтобы устранить свою соперницу, а ранее лучшую подругу, Галину Дмитриевну Рязанцеву.

Действие романа происходит в особняке за городом и в психиатрической лечебнице в деревне Язвищи. Прототипом мистера Рочестера является знаменитый политик Евгений Рязанцев, у которого также есть сумасшедшая жена – Галина Дмитриевна, любовница – Виктория Кравцова, и, конечно, сама «Джейн Эйр» (как она считает) – Светлана Лисова.

Галину Дмитриевну, которая находится в психиатрической лечебнице, Светлана Лисова пытается довести до самоубийства, используя погибшую девочку: «*Меня нет, а ты живешь. Я ведь лучше тебя, я была очень хорошая девочка, я много читала, знала наизусть стихи **Есенина, Кольцова и Некрасова**, я могла бы столько добра сделать людям*» [Там же, с. 253]. Прецедентные имена, использованные в данном примере, являются своеобразной «лакмусовой бумагой» для «кошечки хорошей девочки». Автор показывает, как преломляется сознание героини, которая считает, что для того, чтобы быть хорошим человеком и делать добро людям, необходимо знать наизусть произведения великих классиков литературы. При этом в сознании Светланы Лисовой это доходит до абсурда: доводя свою подругу до самоубийства, она продолжает считать себя хорошим человеком.

Другим лейтмотивом, проходящим через все произведение, является роман Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол». Американский разведчик, который перебежал на сторону русских, выбрал себе псевдоним Белл (англ. *bell* – колокол): «*Этот мистер Белл любит Хемингуэя и как-то связан с Латинской Америкой*» [Там же, с. 161]. На протяжении всего романа разведчики, в том числе и Мери Григ, пытаются вычислить, кем же является мистер Белл.

Маша Григорьева вырастает и превращается в сотрудницу американского ФБР Мери Григ, которую отправляют с важным заданием в Москву. Задание состоит, во-первых, в расследовании убийства сотрудника ФБР Томаса Бриттена и руководителя пресс-центра политика Рязанцева, также его любовницы, Виктории Кравцовой, во-вторых, во влиянии на предвыборную кампанию Рязанцева.

Евгений Рязанцев настолько привык к помощи Виктории Кравцовой, что после ее смерти впадает в депрессию. Он опаздывает на встречи, становится рассеянным, и даже его «лучшая улыбка *чеширского кота*» [Там же, с. 42] не спасает положения. Это выражение сразу же напоминает нам о книге Л. Кэрролла «Алиса в стране чудес», в которой кот улыбался добродушно и таинственно. Автор проводит параллель героя с котом, показывая, что улыбка Рязанцева действовала на его избирателей положительно.

В одном из интервью Рязанцев постоянно делает оговорки, запинаясь, не может собраться, но в конце концов понимает, что «*ведет себя глупо, метая бисер перед свиньями*» [Там же, с. 43]. По данным «Толкового словаря библейских выражений и слов» В. М. Мокиенко, этот фразеологизм употребляется в пренебрежительном значении «говорить, рассуждать о чем-либо, что не способны или не желают понять слушатели» [4, с. 69]. Возникает реминисценция на Евангелие, так как выражение «не бросайте жемчуга (церовно-славянское – бисер) вашего пред свиньями, чтоб они не попрали его ногами своими» употребляется в Евангелии от Матфея (Мф. 7:6).

Также в своем произведении Дашкова использует аллюзии из русского фольклора:

«*Завтра утром придет доктор, вы с ним поговорите, – ласково улыбнулась сестра, – утро вечера мудреней, правда ведь?*» [3, с. 215]. Эта фраза из сказок уже стала фразеологизмом, который означает, что принятие важных решений лучше отложить на утро, ведь за ночь всё может измениться.

К аллюзивным антропонимам, функционирующим в художественном дискурсе П. Дашковой, относятся:

- писатели, поэты: Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, А. И. Солженицын, В. В. Набоков, А. А. Фадеев, У. Фолкнер, и др., например: [*Маша Григорьева*] искренне верит, что обычный табак в сто раз вредней марихуаны, и может рассуждать об этом также горячо и грамотно, как о **Фолкнере и Набокове**. <...> В голове [у Маши Григорьевой] веселье шумные опилки, как у Винни-Пуха. О, йес! **Толстой! Достоевский! Вау! Загадочная русская душа!** [Там же, с. 91];

- ученые: З. Фрейд, А. Д. Сахаров, например: *Как верно подметил Зигмунд Фрейд, человеку трудно преодолеть свое внутриутробное и младенческое подсознание* [Там же, с. 56];
- исторические и политические деятели: В. И. Ленин, И. В. Сталин, Калигула, Р. Рейган, Ю. В. Андропов, например: *Все злодеи в мировой истории от Калигулы до Сталина были чудовищными пошляками* [Там же, с. 112];
- музыканты: Шопен, Л. Армстронг, Э. Фитцджеральд, Б. Гудман, Ю. Шевчук, И. С. Бах и др., например: *Гера скорчил презрительную рожу и довольно точно просвистел первые аккорды траурного марша Шопена* [Там же, с. 72].

Когда в разговоре сотрудников полиции всплывает имя заместителя убитой Виктории Кравцовой – Феликса Нечаева, герои сравнивают его с шутом: «*Какой Феликс? А, Нечаев, этот шут гороховый? Он-то здесь при чем?*» [Там же, с. 77]. Это прецедентное сравнение означает, что Феликс – чужак, глупо шутящий человек, постоянно развлекающий окружающих. В литературе не раз употреблялось такое сравнение: у И. С. Тургенева в романе «Отцы и дети» выражение «шут гороховый» использовано по отношению к Базарову: «*Этот самоуверенный Базаров и не подозревал, что он в глазах [мужиков] был все-таки чем-то вроде шути горохового*» [7, с. 286]. Н. А. Некрасов в поэме «Кому на Руси жить хорошо» также использует этот фразеологизм:

*Морочить полоумного
Не хитрая статья.
Да быть шутом гороховым,
Признаться, не хотелось* [5, с. 328].

При встрече сотрудников иностранной разведки происходит разговор, в котором упоминается героиня древнегреческого эпоса – Кассандра: «*Ох, Энрюю, не дают тебе покоя лавры Кассандры, давай-ка по делу, времени мало.*

– *Никакими лаврами бедную троянскую царевну никто не венчал, ее считали сумасшедшей, она плохо кончила. Сначала досталась Агамемнону в качестве трофея, потом погибла, совсем молоденькая, очень красивая*» [3, с. 136].

В данном примере П. Дашкова пытается объяснить, кем была Кассандра, чтобы читатель лучше уяснил смысл всей ситуации. На самом деле, Кассандра была прорицательницей, но она отвергла влюбленного в нее Аполлона, который сделал так, что ее предсказания перестали верить. В Древней Греции Кассандру считали вестницей несчастья, именно поэтому становится понятно, что новости, рассказанные Эндрю, не предвещают ничего хорошего. Его собеседник смеется язвительно и злобно, показывая, что их общение не приведет к компромиссам. Автор использует прецедентное имя Мефистофеля, показывая насмешливый и злоедающий тон общения: «*Резидент расхохотался, на этот раз весьма театрально, как будто исполнял арию Мефистофеля*» [Там же, с. 191]. В трагедии Гете «Фауст» (1808) Мефистофель – адский дух, олицетворяющий злое, всеотрицающее начало. В словаре «Крылатые слова» Н. С. Ашукина и М. Г. Ашукиной указывается, что имя Мефистофеля стало синонимом язвительного злого насмешника [1, с. 324]. По мотивам произведения Гете Шарлем Гуно создана опера «Фауст», в которой партию Мефистофеля исполнял Ф. И. Шаляпин.

В итоге разговор сотрудников ФБР заканчивается на неприятной ноте: «*Он [Всеволод Сергеевич] никак не мог успокоить свои руки, они постоянно двигались, дергались, суетились, и Эндрю Евгеньевичу стало казаться, что он сейчас начнет отламывать себе пальцы, как Сахар в "Синей птице"*» [3, с. 465]. Прецедентное сравнение из пьесы М. Метерлинка «Синяя птица» показывает, какие чувства испытывает герой: как он раздосадован, что события происходят не по его плану.

Роман «Чувство реальности» изобилует отсылками к прецедентным именам. В этом проявляется такая функция интертекстуальности, как обширность (всеохватность), так как имена, использованные автором, принадлежат к разным эпохам. Также здесь можно проследить связь литературы и кинематографа, которая выражается в отсылках к названиям фильмов и крылатым выражениям из них:

«*Больше всего ему нравилось "Белое солнце пустыни" и "Неуловимые мстители". Однажды он попросил растолковать выражение "А казачок-то засланный" и, выслушав объяснения, противно подмигнул*» [Там же, с. 245].

Грустно звучат мысли писательницы об отношении современников к книгам золотого фонда русской литературы: «*Конечно, кому сейчас нужны книги, тем более Есенин? Просто взяли и выкинули*» [Там же, с. 310]. Вместо Есенина в данном примере можно представить любую из фамилий русских классиков. Писательнице горько сознавать, что вся великая русская литература постепенно становится неинтересна многим современным носителям русского языка, про нее забывают, выбрасывая книги. Здесь можно увидеть обучающую функцию в использовании прецедентных имен.

В ходе расследования убийства сотрудники российской полиции и Мэри Григ, пытаясь найти истину, прибегают к разным способам добычи информации. Не исключением становится и опрос свидетелей, а именно пенсионерок, которые проводят свой досуг, общаясь у подъезда: «*Они, как египетские сфинксы, эти дворовые бабки на лавочках, никогда не меняются, никуда не исчезают. Может, они бессмертны?*» [Там же, с. 180]. В данном примере прецедентное сравнение используется в ироническом ключе, показывая неизменность того факта, что во все времена около подъездов постоянно будет собираться «общество по интересам». Автор проводит сравнение со сфинксами, так как уже более 4000 лет эти скульптуры охраняют пирамиды в Египте. И «дворовые бабки» являются вечными стражами спокойствия около домов и подъездов.

В финале романа полиция и сотрудники разведки выясняют, что в убийстве Томаса Бриттена и Виктории Кравцовой замешана Светлана Лисова, которая вообразила себя героиней книги Ш. Бронте «Джейн Эйр»:

«Ну получается, все как в романе. Жена сумасшедшая, любовница изменяет легкомысленно и вероломно, потом тоже погибает, в итоге скромная крошка остается наедине с героем своих тихих девичьих грез, кстати, тоже чуть не погибшим. Там был пожар, и мистер Рочестер стал инвалидом, ослеп, потерял руку. <...> это вроде современной мыльной оперы и дешевых дамских романов, где единственная цель героини – завоевать любимого мужчину, и цель оправдывает любые средства, и обстоятельства всегда на ее стороне» [Там же, с. 475].

Таким образом, на примере романа П. Дашковой «Чувство реальности» становится понятно, что использование прецедентных текстов проявляется только на внешнем уровне, на котором и является необходимой составляющей всего произведения, так как современную постмодернистскую прозу невозможно представить без многочисленных цитат и аллюзий на классические произведения. Расширения смысла произведения за счет использования интертекстуальности в массовой литературе не происходит.

Список литературы

1. Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова. М.: Художественная литература, 1987. 528 с.
2. Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
3. Дашкова П. В. Чувство реальности: роман. М.: Астрель; АСТ, 2004. 510 с.
4. Мокиенко В. М. Толковый словарь библейских выражений и слов: ок. 2000 единиц / Г. А. Лилич, О. И. Трофимкина. М.: АСТ; Астрель, 2010. 640 с.
5. Некрасов Н. А. Кому на Руси жить хорошо // Некрасов Н. А. Собрание сочинений: в 8-ми т. М.: Художественная литература, 1965. Т. 3. 471 с.
6. Серкина В. Н. Прецедентные тексты как показатель коммуникативной компетенции журналиста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 6 (36). Ч. II. С. 175-177.
7. Тургенев И. С. Отцы и дети // Тургенев И. С. Накануне; Отцы и дети: романы. Степной король Лир: повесть. Л.: Художественная литература, 1985. 368 с.
8. Фрик Т. Б., Чжан Ч. Особенности функционирования прецедентных текстов в «Маленьких притчах для детей и взрослых» Е. Санина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (34). Ч. I. С. 212-215.

INTERTEXTUAL RELATIONS OF THE NOVEL BY P. DASHKOVA “THE SENSE OF REALITY”

Zubakova Nataliya Valer'evna
Lipetsk State Pedagogical University
Natyse4ka87@mail.ru

The article is devoted to analyzing intertextual relations of the novel by P. Dashkova “The Sense of Reality” manifesting themselves in the inclusion of the fragments of other texts or references to them. The novel has references to the precedential texts and names from the Russian (N. A. Nekrasov “Who Is Happy in Russia?”, S. A. Esenin et al.) and foreign literature (M. Shelley “Frankenstein, or the Modern Prometheus”, Ch. Brontë “Jane Eyre”, E. Hemingway “For Whom the Bell Tolls” et al.) and also from ancient myths, folkloric works and cinematograph (films “The Elusive Avengers”, “White Sun of the Desert”).

Key words and phrases: intertextuality; allusion; discourse; precedential comparison.

УДК 811.134.2

Филологические науки

Данная статья посвящена особенностям реализации антитезы «свой – чужой» в тексте «Похвалы Испании», входящей в «Поэму о Фернанде Гонсалесе». Автор раскрывает предпосылки возникновения данной антитезы в произведениях испанской средневековой (в частности эпической) литературы и рассматривает её преломления в тексте указанной эпической поэмы, уделяя особое внимание использованию этой антитезы в рамках небольшого текста «Похвалы Испании», являющегося эмоциональным и идеологическим центром поэмы.

Ключевые слова и фразы: средневековая испанская литература; «ученая поэзия» (mester de clerecía); «Поэма о Фернанде Гонсалесе» («Poema de Fernán González»); «Похвала Испании»; панегирик.

Иванова Нина Владимировна, к. филол. н.
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
nina.vl.ivanova@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ АНТИТЕЗЫ «СВОЙ – ЧУЖОЙ» В «ПОХВАЛЕ ИСПАНИИ», ВХОДЯЩЕЙ В «ПОЭМУ О ФЕРНАНДЕ ГОНСАЛЕСЕ»[©]

Испанское средневековье отмечено тесными контактами различных культур, чему способствовал ряд факторов.